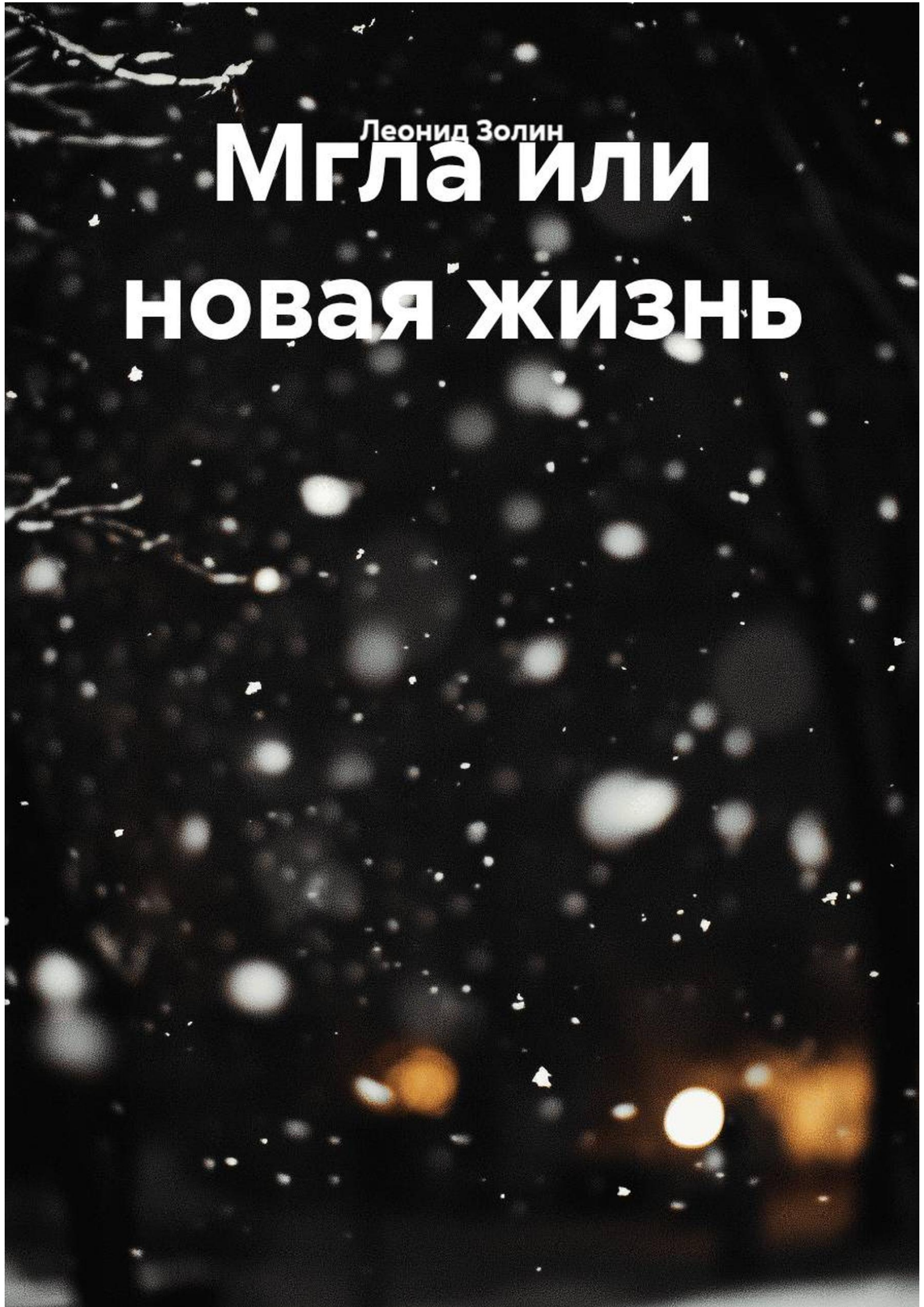

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

«Автор»

2026

Золин Л. С.

Мгла или новая жизнь / Л. С. Золин — «Автор», 2026

Мальчик с необычным именем Аэлир всю жизнь платит за чужой выбор: мать дала ему кельтское имя, и с первого школьного дня оно стало мишенью. Насмешки, изоляция, молчание — он научился быть незаметным, а утешение нашёл там, где не ждал: в старой бабушкиной книге «Сказания Северного Предела», где говорилось о Пространстве Мглы — щели между жизнью и смертью, где обитает богиня Илева. Никто не поверил — ни мать, ни одноклассники. Только Элия, новенькая с короткой стрижкой и серыми глазами, не засмеялась. Она оставила дверь приоткрытой, как и он сам когда-то. А потом — заброшенная электростанция, субботняя вылазка, пожар, рухнувший потолок. И Аэлир открывает глаза в серой, плотной, беззвучной Мгле, о которой читал девять лет. Мгла настоящая. Он был прав. Рядом, без сознания, лежит Элия. И где-то здесь, в тишине, которая слышит, ждёт Илева дева с глазами цвета мёртвого янтаря.

© Золин Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Леонид Золин

Мгла или новая жизнь

Глава 1

Глава первая. Мгла Имя это первая вещь, которую человек получает не по своей воле.

Первая метка, которую он не выбирает. Аэлир получил своё ещё до рождения: мать, с древними языками, начитавшись сборников кельтских преданий, решила, что сына зовут именно так коротко, певуче, непривычно. Аэлир, говорила она, прижимая ладонь к животу, и слово звучало для неё как ветер, гуляющий по горным пустошам. Отец пожал плечами ему было всё равно, лишь бы не Олег.

В первые годы имя не доставляло хлопот. Детский сад мягкий, тёплый мир, где дети не умеют ещё превращать чужое отличие в оружие. Воспитательницы говорили Аэлирушка, малышам было всё равно, они ковыряли пластилин и дрались за лопатки в песочнице. Школа всё изменила. Первый день. Учительница открыла журнал, пробежала взглядом по строчкам и чуть нахмурилась. Аэл...ир? она произнесла это с вопросительной интонацией, будто пытаясь понять, не опечатка ли это. Аэлир, сказал мальчик тихо. Он уже привык к этому тону, к этому лёгкому непониманию в голосах взрослых, будто он сам виноват в том, как его зовут. Какое необычное имя, сказала учительница с натянутой улыбкой. И тридцать пар детских глаз разом повернулись к нему. Через пять минут на перемене к нему подошёл мальчик в клетчатой рубашке Неволин, Саша Неволин, который позже станет его главным мучителем на годы вперёд. Аэлир, повторил Саша, растягивая слово, будто жевал резинку. Аэ-ли-р. Ты чё, нерусский? Русский, ответил Аэлир. А чё имя такое? Ты чё, из цирка? Смех мелкий, кишечный, какой бывает только у детей, ещё не знающих, что делают больно, прокатился по коридору. Аэлир не ответил. Он научился не отвечать очень рано. К третьему классу насмешки оформились в систему. Аэлир-аэлерон, Аэлир-воздушный шар, Аэлир инопланетянин.

Ему подбрасывали в рюкзак записки с карикатурами кривой человечек с круглой головой и надписью Аэлир с планеты Дурацких Имён. Он находил их, разворачивал, смотрел несколько секунд, складывал обратно и клал в боковой карман. Карман постепенно пух. Отец говорил

Не обращай внимания. Скоро вырастут. Мать говорила. Это красивое имя. Они просто не понимают. Оба были правы по-своему, и оба не помогали. Аэлир не плакал во всяком случае, не при людях. Он приходил домой, закрывал дверь комнаты, садился на пол, спиной к кровати, и смотрел в стену. Стена была белая, с тонкой трещиной, идущей от угла к розетке. Иногда он водил по ней пальцем, будто рисуя что-то невидимое. К пятому классу стало совсем плохо. Подросли, а доброты не прибавилось наоборот. Теперь издевательства стали тоньше, изощрённее. Его не били нет, бить в их школе считалось уже недопустимым, за это могли вызвать родителей. Зато его игнорировали. Полностью, тотально, будто он был мебелью. Когда на уроке работали в парах, он оставался один. Когда выстраивались на физкультуру, он стоял последним не потому что хотел, а потому что никто не хотел даже стоять рядом. Когда учитель спрашивал, кто хочет сесть с Аэлиром, в классе повисала такая тишина, будто он предложил сесть рядом с больным. Один раз один-единственный он попытался ответить. Саша Неволин на весь класс сказал Аэлир, тебя что, по буквам называли, когда родился, и ты даже не понял, что это имя? Аэлир, не вставая с места, тихо ответил А тебя называли Саша, потому что фантазии не хватило даже на имя. Класс замер. Саша покраснел. Аэлир почувствовал короткий, жгучий укол победы и тут же получил расплату: после уроков Саша с двумя друзьями поджидали его у выхода, толкнули в лужу и ушли, не оборачиваясь. Аэлир лежал в холодной грязной воде и смотрел в серое небо, и небо ничего ему не сказало. Больше он не огрызался. Всё началось с

книжного шкафа. В квартире Аэлира их было два: один в гостиной, широкий, забитый детективами и кулинарными книгами, а второй в коридоре, узкий, старый, с перекошенной фанерной задней стенкой. Он стоял здесь с тех времён, когда квартира принадлежала бабушке, и после её смерти его не тронули просто забыли, как забывают вещи, которые не мешают.

Аэлиру было девять, когда он открыл его от скуки. Внутри пыль, запах старой бумаги, желтоватые корешки. Сборник кроссвордов 1997 года. Кулинарная книга без обложки. Пачка Мурзилок в папке на кнопке. И одна книга тонкая, в твёрдом переплёте тёмно-бордового цвета, без суперомбли, без фотографий на обложке. Просто золотые буквы, полустёршиеся **Сказания Северного Предела**. Аэлир открыл её прямо на полу, в коридоре, и первые страницы рассыпались у него в руках ветхие, желтоватые, с неровными краями, будто их резали неаккуратным ножом. Он перевернул бережно, нашёл целые. Шрифт был мелкий, плотный, с непривычными буквами **ять, фита, десятиричное**. Текст был на русском, но на таком русском, который приходилось читать вслух, чтобы понять. Аэлир, прищурившись, водил пальцем по строчкам и бормотал. Книга оказалась собранием преданий не сказок, именно преданий, потому что в них не было ни жили-были, ни добрые молодцы, ни тридевятого царства. Тон был сухой, почти летописный. Рассказывалось о крае на севере, за которым нет больше земли, о тундре, что схвачена вечной мерзлотой, о реках, текущих подо льдом, о народах, которые жили здесь до того, как пришли первые карты. Одно предание зацепило его. Оно называлось просто: **О Пространстве Мглы**. Текст был частично повреждён на нескольких страницах выцвели чернила, и отдельные строки читались с трудом, как надпись на старом надгробии. Но основное Аэлир разобрал. Пространство Мглы, говорилось в предании, это не место. Это состояние, щель между жизнью и тем, что идёт после, пауза, в которой мир ещё не решил, что с тобой делать. Мгла не была адом и не была раем она не наказывала и не награждала. Она просто была, как бывает пустая комната, в которую ты вошёл, но свет ещё не включил. Вход туда, утверждала книга, открывается не для каждого. **Нужны три условия**. Первое: человек должен быть на грани между жизнью и смертью, между сознанием и небытием, в точке, где тело уже не держит, а дух ещё не ушёл. Второе: он должен знать о Мгле не верить, а именно знать, держать её образ в памяти, как держишь в памяти дорогу домой. Третье и это самое непонятное Мгла должна его признать. Что это значит, книга не поясняла. А дальше дальше шло то, ради чего Аэлир перечитал страницу пять раз. В Мгле, говорилось в предании, живёт **Илева**. Илева богиня. Не богиня в греческом или скандинавском смысле, не персонаж с чёткой родословной и известными подвигами. Скорее присутствие. Сущность, которая обитает в Мгле с тех пор, как Мгла существует, и которая делает единственное: она встречает тех, кто пришёл. Книга описывала её скупое. Облика постоянного не имеет, читал Аэлир, шепча слова в тишине коридора, но являлась приходящим в виде девы, обликом строгим и тихим, с глазами цвета мертвого янтаря, и речами негромкими, кои каждый слышал на наречии своём. Илева не судила и не спасала она разговаривала. О чём книга не говорила. Но в финале предания была фраза, которую Аэлир выучил наизусть, не стараясь. И не было ещё ни единого, кто бы, встретив Илеву во Мгле, вернулся в мир тот же, что и прежде. Ниже, на полях, чужим почерком тонким, косым, явно более поздним было приписано чернилами басни. Невероятное. Се есть лишь страх смертных перед концом, облечённый в слова. Аэлир перечитал приписку, потом текст, потом снова приписку. И закрыл книгу. Он не поверил. Он не не поверил он усомнился, а это другое. Усомниться значит оставить дверь приоткрытой, а поверить или нет решит потом. Но образ уже вошёл Мгла, тихая и непроглядная, и в ней дева с глазами цвета мёртвого янтаря, которая ждёт. Он стал перечитывать предание. Сначала каждый день, потом каждую неделю, потом когда было особенно плохо. После особенно злой перемены, после очередной записи в боковом кармане рюкзака, после того как целый день просидел один, он приходил домой, открывал шкаф, доставал книгу и читал. Слова не менялись, но он менялся с каждым разом Мгла представлялась ему всё отчётливее, как будто не он придумывал её, а она сама, по капле,

проявлялась в его воображении. Однажды ему было одиннадцать он попытался рассказать. На перемене, в шестом классе, когда класс был вяло-мирным и Саша Неволин болел, Аэлир оказался рядом с двумя мальчишками, которые говорили про видеоигры. Он послушал минуту, потом не с чего, не с того сказал: А вы знаете, что есть такое место Пространство Мглы? Это между жизнью и смертью. И там живёт богиня, Илева. Если туда попасть, она с тобой поговорит, и ты вернёшься другим. Пауза. Ты чё несёшь? спросил один. Из книжки, сказал Аэлир. Старой. Там написано. Ты совсем поехал, сказал второй. Богиня в тумане. Ты головой больной? Смех, недолгий, но достаточный. Аэлир замолчал и больше не пытался. Он попытался ещё раз дома, с матерью. Мать выслушала с тем выражением, которое он уже хорошо знал мягкая, снисходительная полуулыбка, за которой пряталось **это пройдёт**. Аэлирушка, это же сказки. Бабушкина старая книга, там полно такого. Ты не принимай близко. Это не сказки, сказал он. Это предание. Предание, сказание одно и то же, милый. Нет. Сказка это когда придумали. Предание это когда записали то, что было. Мать посмотрела на него долгим взглядом, в котором мелькнуло что-то не тревога, но и не понимание. Ближе к тревоге. Ты бы лучше на улице гулял, сказала она. Больше он не говорил об этом ни с кем. Книга осталась в шкафу. Мгла осталась в голове. Илева где-то между, в полутени, с глазами цвета мертвого янтаря, которых он никогда не видел, но мог бы нарисовать с закрытыми глазами. Седьмой класс. Новая школа мать перевела его, надеясь на чистый лист. Чистый лист не получился: имя по-прежнему было при нём, как тень, как родинка на лице, которую не скроешь. Но в новой школе всё-таки было легче не потому что лучше, а потому что Аэлир научился быть незаметным. Он ходил вдоль стен, сидел на задних партах, говорил негромко и только когда спрашивали. Он стал экспертом в искусстве отсутствия присутствовать физически и не существовать для окружающих. Ему было тринадцать, когда всё изменилось второй раз. Случай свёл его с компанией не компанией, скорее кучкой, которую сама школа считала странными». Четверо: Глеб высокий, в очках, с вечно красными ушами; Марина круглолицая, громкая, с хвостом, который она дёргала, когда нервничала; Дима маленький, быстрый, с разбитой губой, которую он получал раз в неделю, потому что лез куда не надо; и Лёша молчаливый, с тяжёлым взглядом, который однажды на вопрос ты чё такой грустный? ответил Я не грустный. Я Лёша. Они сидели на заднем дворе школы, на бетонных плитах у мусорных баков, месте, которое все обходили, потому что пахло, а они не пахло, потому что привыкли. Аэлир шёл мимо срезая путь, и услышал, как Глеб читает вслух что-то из телефона. Что-то про заброшенный завод и сталкеров. Аэлир остановился не потому что заинтересовался, а потому что Глеб читал с таким серьёзным лицом, будто зачитывал приказ. Ты чё стоишь? спросила Марина, не поворачиваясь. Ничего, сказал Аэлир. Ну и иди, сказала она. Он не пошёл. Сел на край плиты, подальше от всех. Никто не сказал уходи. Никто не сказал останься. Его просто не прогнали, и этого было достаточно. Он стал приходить каждый день. Молча. Сидел, слушал. Глеб читал. Марина что-то рассказывала. Дима лез драться с турником и падал. Лёша молчал. Аэлир молчал вместе с Лёшей, и однажды Лёша, не поворачивая головы, сказал: Ты подходящий. Это было всё. Больше ничего. Но Аэлир понял. Элия появилась через две недели. Она пришла не к ним она пришла в школу, в их класс, в середине октября, когда распределение мест за партами уже устоялось и сдвигать никого не хотелось. Учительница, та же самая, с той же натянутой улыбкой, сказала У нас новенькая. Элия Соловьёва. Пожалуйста, садись... она оглядела класс, на заднюю парту, к Аэлиру. Аэлир вздрогнул. К нему? К нему, за парту? За два года в этой школе ни разу ни разу рядом с ним не села живая душа. Элия прошла между рядами. Она была невысокая, с тёмными волосами, коротко стриженными почти как мальчишка, но не совсем; спереди длинная чёлка, падающая на глаза, которую она убирала за ухо одним движением, машинальным, как будто делала это тысячу раз. Тонкое лицо, острый подбородок, большие глаза не карие, не зелёные, а какой-то микс, который менялся в зависимости от света у окна серые, в коридоре почти чёрные. На ней была толстовка с капюшоном тёмно-синяя, на два размера больше, и рваные на коленях джинсы. Она села рядом. Положила

рюкзак на пол. Достала тетрадь. Открыла. Посмотрела на Аэлира. Привет, сказала она. Привет, сказал Аэлир. Ты Аэлир? Да. Странное имя. Он ждал. Ждал продолжения улыбки, смешка, а чё такое имя. Ничего. Красивое, сказала Элия и отвернулась к доске. Аэлир смотрел в тетрадь и не видел ни одной буквы. Первую неделю она была вежлива и никакова. Здравовалась, прощалась, на перемены уходила куда-то то в библиотеку, то во двор, то просто ходила по коридорам, руки в карманах толстовки. Аэлир не лез. Он знал цену навязанности его самого навязывали классу столько раз, что он не хотел быть тем, кто навязывает. На второй неделе она пришла на задний двор, к бетонным плитам у мусорных баков, к ним. Можно? спросила она, стоя чуть в стороне. Это не наше место, сказал Глеб, не поднимая глаз. Это школьный двор. Я знаю, сказала Элия. Я спрашиваю можно мне с вами? Садись, сказала Марина. Элия села. Скрестила ноги. Достала из кармана телефон, но не включила просто держала. Слушала. Дима рассказывал про заброшенный дом на окраине, где, по его словам, жил бомж, который разговаривал с голубями. Элия не смеялась, но и не отмалчивалась кивала, задавала короткие вопросы: А ты сам видел? А голуби отвечали? Аэлир наблюдал. Не за компанией за ней. За тем, как она убирала чёлку за ухо. За тем, как у неё менялся взгляд, когда она слушала внимательно, глаза становились шире и темнее, как будто она впитывала, а не просто слышала. За тем, как она, когда Дима сказал а потом бомж кинул в меня палку, не засмеялась, а сказала спокойно: Ну, ты, наверное, тоже его чем-то напугал. И Дима, который всегда огрызался на замечания, замолчал и сказал Ну да. Я немного громко шёл. Аэлир подумал она умеет слушать так, что человек перестаёт защищаться. Это редкость. Он знал, потому что сам всю жизнь защищался. Через месяц Элия стала частью компании незаметно, как становится частью пейзажа дерево, которое посадили весной и к лету уже не отличить от остальных. Она приходила, садилась, слушала, иногда рассказывала про свой старый город, откуда переехала (маленький, серый, с трубой завода, которая дымила круглые сутки), про мать, которая работала на двух работах, про кошку, которую не удалось забрать при переезде. Голос у неё был негромкий, ровный, без тех интонационных кульбитов, которыми пользуются люди, когда хотят понравиться. Она не хотела понравиться. Она просто говорила. Аэлир разговорился с ней первым не о Мгле, нет. О книгах. Он увидел у неё в руках потрёпанный томик без обложки, с заклеенным скотчем корешком. Что читаешь? спросил он. Стругацкие, сказала она. Трудно быть богом. Хорошая, сказал он, хотя не читал. Ты не читал, сказала Элия, не обидно, просто констатируя. Нет. Тогда почему сказал хорошая? Аэлир замолчал. Он не знал, почему. Может, потому что хотел, чтобы было хорошо. Может, потому что хотел, чтобы она продолжала говорить с ним. Прочитай, сказала Элия. Тогда скажешь. Он прочитал. За два дня, ночь напролёт, с фонариком под одеялом. Наутро пришёл в школу с красными глазами и сказал Хорошая. Теперь верю, сказала Элия и улыбнулась. Улыбка была короткая, асимметричная один уголок губ выше другого, и от неё у Аэлира что-то сдвинулось внутри, как будто тяжёлый камень, который он носил в груди годами, качнулся и встал на новое место. Они стали разговаривать. Не каждый день Аэлир не умел каждый день, ему нужно было время, чтобы привыкать к близости, как животному, которое долго жило одно и теперь не верит, что его не ударят. Но часто. Элия не спрашивала про имя. Не а почему тебя так называли, не а не обижают ли тебя. Один раз только один она сказала тебя ведь зовут Аэлир. Это кельтское? Он кивнул. Я читала, что кельтские имена все значат что-то. Аэлир это что-то значит? Он не знал. Он никогда не проверял. Ему было всё равно, что оно значит для филологов ему было важно, что оно значит для него. Но Элии он сказал не знаю. Надо посмотреть. Давай вместе, сказала она. И это давай вместе простое, лёгкое, брошенное, как монета на стол, было для него важнее, чем все слова, которые он слышал за последние пять лет. Они посмотрели. В школьной библиотеке, в старом словаре кельтских имён, в пыли, на последней полке. Нашли Аэлир предположительно, от корня, означающего тот, кто слышит. Элия прочитала вслух Тот, кто слышит. Подходит, сказала она и посмотрела на него. Ты ведь слышишь. Всё. По-настоящему. Аэлир не ответил. Он боялся, что если откроет рот, то скажет что-то, чего нельзя гово-

рять, что-то слишком большое, слишком настоящее. Он рассказал ей о Мгле через месяц после знакомства. Не потому что решился потому что не выдержал. Они сидели у него дома, в коридоре, перед старым книжным шкафом. Аэлир достал книгу Сказания Северного Предела и положил на колени. Элия смотрела. Это бабушкина, сказал он. В ней одно предание. Я тебе покажу. Он открыл на странице **О Пространстве Мглы** и протянул. Элия взяла, откинула чёлку, склонилась. Читала долго дольше, чем он ожидал. Он сидел рядом и слышал, как она дышит, ровно и тихо, и не шевелился. Элия дочитала, закрыла книгу, но не вернула положила себе на колени, как он. Илева, сказала она. Богиня. Да. И ты веришь? Тот же вопрос, что у всех. Но голос другой. Не снисходительный, не насмешливый. Осторожный. Как будто она стоит на краю чего-то и не знает, шагать или нет. Я не верю, сказал Аэлир. Я знаю. Как можно знать то, чего не видел? Как можно не знать то, что чувствуешь? Элия молчала. Потом сказала расскажи, как ты её представляешь. И он рассказал. О Мгле серой, плотной, беззвучной, в которой нет ни верха, ни низа, ни пола, ни потолка, а есть только присутствие, как будто воздух стал твёрдым. Об Илеве тихой, с глазами цвета мертвого янтаря, которая не говорит первой, но ждёт. О том, как он читал предание сотню раз и каждый раз Мгла становилась яснее, как фотография, которая проявляется в реактиве. Элия слушала, не перебивая. Когда он закончил, она сказала я хочу прочитать сама. Полностью. Можно? Да. Она взяла книгу домой. Вернула через три дня. Аэлир, когда принимал, заметил закладку тонкую полоску бумаги, аккуратно сложенную, на странице с преданием о Мгле. Он не сказал ничего. Она тоже. Больше они не говорили об этом прямо. Но Аэлир чувствовал иначе. Не как с матерью, не как с теми мальчишками. Элия не сказала верю и не сказала не верю. Она оставила дверь приоткрытой как он когда-то, в девять лет, на полу в коридоре. И это было больше, чем вера. Зброшенная электростанция стояла на окраине, за промзоной, в трёх километрах от последней остановки автобуса. Глеб нашёл её на спутниковой карте чёткий прямоугольник крыши, врезанный в заросший пустырь, и показал всем на экране телефона, в четверг, на бетонных плитах. Вот, сказал Глеб, водя пальцем. Станция. Зброшена с девяностых. Там, по форумам, говорят, внутри кое-что осталось щиты, турбины, даже мебель в административном корпусе. Идём? спросил Дима, и это было риторическим, потому что Дима спрашивал идём? Даже про заброшенный ларёк во дворе. Надо посмотреть сначала, сказал Лёша. В смысле, как проходить, нет ли охраны. Какой охраны, махнула Марина. Она двадцать лет стоит. Никому не нужна. А если бы была нужна, сказал Лёша, тогда тем более охрана. Решали недолго. Суббота, двенадцать часов, встреча у остановки. Все. Включая Аэлира и Элию, которые молчали и переглядывались, потому что оба знали: это будет их первая настоящая вылазка не в школу, не во двор, а за город, в место, где нет расписаний и оценок. Они даже не подозревают что это вылазка станет первой и последней.

Суббота выдалась серая, с низким ветром. Встретились у остановки все пятеро, плюс Элия. Шли гуськом, по обочине шоссе, потом свернули на грунтовку, которая вела мимо складов, через пустырь, заросший борщевиком, к промзоне. Электростанция открылась внезапно за поворотом дороги, из-за зарослей ивы. Серое здание, длинное, одноэтажное, с рядами узких окон под самой крышей как амбразуры, через которые смотрел только свет. Кирпич потемнел, местами осыпался, обнажая ржавую арматуру. Крыша профнастил, измятый, с дырами, в которые, должно быть, лило дождями. Забор сетка-рабица, местами поваленная, и калитка без замка, открытая. Идём, сказал Дима и первым проскользнул внутрь. Внутри было сухо и гулко. Бетонный пол, в трещинах пыль и мелкий сор. Стены голые, с облупившейся краской где-то жёлтой, где-то зелёной, под ней голый кирпич. Вдоль стен ржавые конструкции останки щитовых панелей, трубы, обрывки кабеля. Пахло железом, пылью и чем-то сладковатым то ли гнилью, то ли сыростью, то ли тем запахом, который бывает только в местах, где давно не было людей. Круто, сказала Марина, оглядываясь. Она дёрнула хвост значит, нервничала, но радостно. Разбрелись. Глеб и Дима в сторону турбинного зала, большого, тёмного, с остатками механизмов, похожих на окаменевших животных. Марина и Лёша в административный

корпус, через дверь в торце, куда вела потёртая дорожка из плитки. Аэлир и Элия остались у входа не сговариваясь, просто так вышло. Ну, сказал Аэлир. Идём? Идём, сказала Элия. Они пошли вдоль главного коридора. Узкий, с дверями по обеим сторонам кабинетными, фанерными, с матовыми стёклами, половина выбита. Аэлир заглядывал в каждую дверь столы, стулья, шкафы, всё серое, пыльное, покрытое налётом, как будто время здесь не остановилось, а замедлилось до предела. На одном столе кружка, перевёрнутая, с тёмным кольцом внутри, от кофе, который кто-то допивал в последний день станции, двадцать лет назад. Элия шла рядом, близко, плечо к плечу. Не боялась Аэлир видел она смотрела вокруг с тем же выражением, с каким читала Стругацких, широко, внимательно, впитывая. Здесь жили люди, сказала она. Работали, пили кофе, смеялись. А потом ушли, и кружку забыли перевернуть. Или специально оставили, сказал Аэлир. Зачем? Чтобы кто-нибудь пришёл и подумал о них. Элия посмотрела на него. Чёлка упала на глаза. Она убрала её. Кивнула. Коридор кончился залом большим, высоким, с остатками мостового крана под потолком. Кран заржавел, его балка прошла поперёк зала, как хребет доисторического зверя. Под ним бетонный пол, чистый, почти без сора. В углу старая металлическая лестница, ведущая на второй ярус, к площадке обслуживания. Наверх? спросил Аэлир. Наверх, сказала Элия. Лестница скрипела, но держала. Они поднялись. Площадка узкая, с перилами, огибающая зал по периметру. Отсюда видно всё пол, кран, двери коридора, окна под крышей, через которые падал серый свет. Они стояли у перил, рядом. Внизу пустой зал, гулкий, как бочка. Ветер через щели в крыше тянул тонко, по-флейтовому. Красиво, сказала Элия. Да, сказал Аэлир, но смотрел не на зал. Он смотрел на неё. На профиль острый, чистый, с тёмной чёлкой, которую ветер шевелил. На руки тонкие, на перилах, с царапиной на тыльной стороне левой, которой он не знал историю. На то, как она стояла спокойно, прямо, без позы, без напряжения, как человек, которому здесь хорошо. И Аэлир подумал: вот. Вот момент. Вот он тот самый, ради которого всё: и имя, и насмешки, и годы молчания, и Мгла, и Илева, и книга, и всё всё вело сюда, к этой площадке, к этим перилам, к этой девочке с глазами, которые меняют цвет. Он хотел сказать. Не знаю что может, ты красивая, может, мне с тобой хорошо, может, просто Элия одно слово, без продолжения, но такое, от которого всё становится ясно. Он открыл рот. И в этот момент снизу, из глубины здания, из того места, куда ушли Глеб и Дима, раздался звук. Не громкий, но неправильный глухой, утробный, как будто здание крякнуло. Потом второй, выше, резче, как треск. А потом свет. Не электрический. Не дневной. Оранжевый, жирный, живой, огонь. Он вспыхнул в дальнем конце здания, в турбинном зале, и повалил мгновенно, будто кто-то плеснул бензином и поднёс спичку. Пламя рванулось вверх, к потолку, и потолок ответил чем-то вспыхнуло, загудело, потекло. Старая изоляция, кабельная обмотка, мазутные подтёки на полу всё, что должно было сгнить, но не сгнило, а ждало, вспыхнуло разом, как один огромный фитиль. Что это?! крикнула Элия. Огонь! Аэлир схватил её за руку. Бежим! Они побежали по площадке, к лестнице. Лестница вниз, в зал. В зале уже было дымно, не видимо, но дым плотный, чёрный, катился по потолку, как живое существо. Аэлир рванул к выходу, к дверям коридора, и остановился. Коридор горел. Огонь шёл от турбинного зала, по коридору, по старым фанерным дверям, по кабелю в стенах, быстро, страшно быстро, как будто он не распространялся, а бежал, и бежал к ним. Двери вспыхивали одна за другой хлоп, хлоп, хлоп как будто кто-то щёлкал зажигалкой в темноте. Аэлир метнулся назад, в зал. Другой выход через административный корпус? Но между залом и административным стена, глухая, кирпичная, без дверей. Окна? Высоко, под потолком, узкие, как щели. Не пролезть. Сюда! крикнул он и потащил Элию обратно, на площадку, наверх потому что наверху хотя бы дым не сразу. Они взлетели по лестнице. Площадка. Перила. Внизу зал, который уже заполнялся огнём. Пламя лизало стены, поднималось по кабельным стоякам, как по верёвкам. Дым поднимался следом густой, непроницаемый, и с каждой секундой его было больше. Элия закашлялась. Аэлир стянул с себя куртку, махнул бесполезно, дым был везде. Он прижал её к себе, к стене, к углу площадки, где было меньше всего тяги, и накрыл курт-

кой. Дыши через ткань, сказал он. Аэлир... Дыши через ткань. Сейчас. Слышишь? Дыши. Она кивнула. Он видел только глаза тёмные, огромные, без паники, но с чем-то, что было хуже паники, с пониманием. Дым заполнял. Огонь поднимался. Здание трещало, и не от жара от чего-то другого, структурного, как будто огонь был лишь первым, а за ним шло второе, тяжёлое, беззвучное. Потолок. Аэлир поднял голову. Профнастил крыши, над площадкой, вздрагивал. Дыры в нём светились оранжевым. Металл гудел. Балки, на которых держался профнастил, ржавые, старые, двадцать лет без ремонта, гнулись, и ржавчина крошилась с них, как перхоть, сыпалась вниз мелким рыжим дождём. Сейчас упадёт, сказала Элия. Не крикнула. Сказала. Нет, сказал Аэлир, хотя знал, что да. Аэлир. Нет. Аэлир, послушай меня. Нет. Нет. Мы выберемся. Сейчас. Аэлир. И он посмотрел на неё. Она стояла, прижатая к стене, в его куртке на плечах, с чёлкой, прилипшей к мокрому лбу, и смотрела на него не с мольбой, не со страхом. С чем-то тихим и странным, чего он не мог разобрать, потому что не хватало света и не хватало воздуха, и не хватало времени. Потолок рухнул. Не весь секцией, над ними, над площадкой. Профнастил, балки, кирпичная крошка, изоляция, куски ржавого металла всё посыпалось разом, как будто выдохнуло, и Аэлир успел в последнюю долю секунды, не думая, не решая, просто телом рвануть Элию вниз, на пол площадки, накрыть собой, вжать в бетон, и мир обрушился на его спину. Звук исчез. Свет исчез. Боль была, но короткая, как удар, а не как течение. А потом тоже исчезла. Тишина. Не тишина, как в классе, когда все замолкают. Не тишина, как ночью, когда слышен холодильник. Другая абсолютная, глухая, без дна и без края, тишина, в которой нет ни единого звука, ни единого шороха, ни дыхания, потому что он не дышал. Или дышал, но не слышал. Аэлир открыл глаза. Ничего. Нет не ничего. Было. Что-то. Не свет, не тьма что-то между, что-то, у чего нет названия на языке, которому его учили. Плотный, осязаемый мрак, не чёрный, а серый, серый без оттенка, без глубины, без перспективы. Как будто воздух стал матовым стеклом, и сквозь него ничего не видно, но всё чувствуется. Он стоял. Или висел. Или лежал. Он не мог определить не было пола, не было потолка, не было верха, не было низа. Только присутствие. Воздуха, пространства, покоя. Тишина та, абсолютная была не пустой. Она была полной, как бывает полна комната, в которой много людей, но все молчат. Аэлир посмотрел на свои руки. Руки были. Пальцы были. Он пошевелил ими, и они послушались, но без ощущения не было ни тепла, ни холода, ни тяжести. Только движение. Он стоял в сером, плотном, беззвучном пространстве. Без пола под ногами, без потолка над головой, без стен вокруг. Только Мгла. Мгла. Аэлир узнал её не глазами, не разумом, а чем-то глубже, чем разум, чем память, чем знание. Он узнал её так, как узнают дом, в котором вырос, после долгой разлуки не по деталям, а по ощущению, которое приходит раньше зрения. Он был прав. Он был прав. Всё это время девять лет, с коридора, с книжного шкафа, с пожелтевшей страницы, с ятями и фитой, с насмешками, с басни, невероятное, с матерью, которая сказала это пройдёт, с теми мальчишками, с Сашей Неволным, с боковым карманом рюкзака, полным записок, всё это время он был прав. Мгла существовала. Она была здесь. Она была вокруг. Она была внутри. Она была именно такой, как он представлял серая, плотная, беззвучная, без верха и низа, без пола и потолка, и в ней не было ни страха, ни боли, ни облегчения. Только присутствие, ровное и полное. Аэлир закричал. Он закричал во всё горло не от страха, не от боли, от чего-то, что было больше и страха, и боли, и радости, чего-то, у чего не было названия, но что рвалось наружу, как прорвавшая плотину вода. Он кричал, и крик шёл в Мглу, и Мгла принимала его не эхом, не ответом, а молчанием, которое было ответом, потому что молчание Мглы не было пустым. Оно было слышащим. Я был прав! кричал Аэлир. Я был прав! Она есть! Мгла есть! Она здесь! Я знал! Я знал! Его голос уходил в серую плотность и растворялся, как соль в воде, но не пропадал. Аэлир чувствовал Мгла впитывала, забирала, держала. Каждое слово, каждый звук, каждый выдох всё оставалось здесь, в этом пространстве, которое не выпускало. Он кричал, пока горло не сжалось и звук не перешёл в хрип, а хрип в дыхание, тяжёлое, рваное. Он согнулся не от боли, от полноты, и положил руки на колени, хотя не знал, есть ли колени, есть

ли пол под ногами. Потом он выпрямился. И увидел. В нескольких шагах или не в шагах, здесь не было расстояний, но что-то подсказывало близко на полу, которого не было, лежала Элия. Она лежала на боку, как лежала на площадке, когда он накрыл её собой. Чёлка прилипла к виску. Глаза закрыты. Руки прижаты к груди. Куртка его куртка на плечах. Она была здесь в Мгле, с ним, и не двигалась. Аэлир опустился рядом. На колени. Протянул руку. Коснулся её плеча и почувствовал: тепло. Мгла не имела температуры, но Элия имела. Она была тёплая, живая, настоящая. Элия, сказал он. Тихо, потому что после крика голос был почти шёпотом. Элия, просыпайся. Мы... мы здесь. Мы в Мгле. Я был прав. Элия. Она не шевелилась. Чёлка лежала на её лице, как тёмная запятая. Губы чуть приоткрыты. Дыхание Аэлир прижал ухо к её рту было. Тонкое, едва заметное, но было. Она была жива. Но без сознания. Здесь, в Мгле, в пространстве, о котором он читал в старой книге, которое никто не принимал всерьёз, в котором ждала дева с глазами цвета мёртвого янтаря. Аэлир сидел на коленях рядом с Элией, в серой, плотной, полной тишине, и ждал. Конец первой главы.

Глава 2

Илева.

Он не знал, сколько прошло. В Мгле не было времени — не в том смысле, в каком мы обычно о нём говорим, не как о стрелке часов или цифре на экране. Время здесь не двигалось. Не стояло — именно не двигалось, потому что «стоять» значит быть, а здесь оно не было. Его не существовало. Аэлир не мог сказать, лежал ли он рядом с Элией минуту, час, день или вечность — все эти слова были из другого мира, мира, где есть солнце, которое встаёт и садится, и стены, на которых можно отметить тень. Он сидел. Потом лёг. Потом сел снова. Элия не двигалась — дышала, ровно и тонко, но не просыпалась, будто Мгла держала её в этом состоянии, в подвешенной паузе между тем, что было, и тем, что будет. Аэлир держал её руку — просто держал, потому что это было единственное, что он мог сделать, и единственное, что имело смысл. Мгла вокруг не менялась. Она не темнела и не светлела, не сгущалась и не рассеивалась. Она была — и это всё, что о ней можно было сказать. Она была, как бывает воздух, который ты не замечаешь, пока не останешься без него. А потом — что-то изменилось. Не Мгла. Мгла осталась прежней. Изменилось — внутри неё. Аэлир не сразу понял, что именно не звук, не свет, не движение. Что-то ближе к ощущению, которое он испытал, когда впервые открыл «Сказания Северного Предела» и прочитал строку о деве с очами цвета мёртвого янтаря, — тогда по спине прошла волна, короткая и мелкая, как рябь от брошенного камня. Сейчас волна была глубже, длиннее — она шла не по спине, а по всему телу, по всему существу, и приносила с собой одно-единственное чувство. Его заметили. Аэлир поднял голову. Мгла — та же Мгла, серая, плотная, беззвучная — в одном месте начала сгущаться. Не резко, не вспышкой, а медленно, как чернила, падающие в воду сначала — пятно, тёмное, неопределённое, потом — форма, ещё неясная, но уже ощущаемая, потом — контур, и наконец — присутствие. Фигура. Она стояла — или, скорее, проявлялась — в некотором расстоянии от него. Не вышла из Мглы, не появилась в ней — проявилась, как проявляется изображение на фотобумаге в реактиве сначала — тень, потом — силуэт, потом — детали. И детали были. Высокая. Выше Аэлира на голову, выше Элии на две. Тонкая, но не хрупкая — скорее, как тростинка, которая гнётся, но не ломается. Лицо — узкое, бледное, не мертвенно-бледное, а светлое, как бывает светлой бумага, на которую никогда не падал солнечный луч. Острые скулы, тонкий нос с чуть приподнятой переносицей, губы — узкие, сомкнутые, без улыбки и без гримасы. Выражение лица — спокойствие, но не человеческое спокойствие, не усталость и не скука, а покой, как бывает покой у горного озера, которое не рябит ветер. Волосы — длинные, ниже плеч, тёмные, но не чёрные — какого-то неопределённого цвета, который менялся, как меняют цвет сумерки то тёмно-каштановые, то пепельные, то почти чёрные, в зависимости от того, под каким углом смотреть. Но смотреть под углом было нельзя, потому что углов в Мгле не было. И глаза. Аэлир знал, какие они. Он знал это с девяти лет, с пожелтевшей страницы, с полустёршихся строк. Но знать и видеть — разные вещи, и разница между ними — как между описанием огня и ожогом. Глаза были — янтарные. Не карие, не жёлтые, не медовые — янтарные, и именно мёртвого янтаря, как и было написано. Тот особый оттенок, который бывает у старого янтаря, пролежавшего в земле тысячелетия тёмный, матовый, без блеска, без игры света, без той внутренней теплоты, которая отличает живой янтарь от мёртвого. Глаза, которые не отражали, а впитывали, — Аэлир видел в них не себя, а что-то, что было больше его, больше Мглы, больше всего, что он знал. Одежда — простая, без украшений длинная, тёмная, до пола, с узкими рукавами, без пояса, без застёжек. Ткань — не ткань, скорее, продолжение Мглы, её уплотнённая часть, обретшая форму. Ни украшений, ни символов, ни знаков отличия. Только — фигура, лицо, глаза. Илева. Аэлир знал это с первой секунды — не потому что узнал, а потому что вспомнил. Как будто всю жизнь носил в голове образ, собранный по крупницам из старого текста и собственного вооб-

ражения, и теперь этот образ встал перед ним, живой, настоящий, — и совпал. Не идеально, не в каждой детали, но — совпал, как ключ совпадает с замком не потому что идентичен, а потому что подходит. Он встал. Ноги не дрожали — в Мгле не было дрожи, не было тяжести, не было усталости. Он стоял перед ней и молчал, потому что все слова, которые он готовил — «я был прав», «я знал», «ты существуешь» — вдруг показались маленькими, ненужными, как мухи на статуе. Илева смотрела на него. Молчала. Не ждала — она не ждала, потому что ожидание подразумевает время, а времени здесь не было. Она просто была, и её «бытие» было настолько полным, настолько достаточным, что Аэлир почувствовал себя — впервые в жизни — не лишним, а уместным. Не нужным — именно уместным, как бывает уместна одна нота в тишине, которая делает тишину глубже.

Потом она заговорила. Голос — негромкий, ровный, без интонационных подъёмов и спусков. Не мужской и не женский — точнее, и тот и другой, как будто голос был сделан из всех голосов, которые Аэлир когда-либо слышал, и ни из одного конкретно. Он слышал слова на русском — своём русском, с его интонациями, с его ритмом, — но где-то на дне слов чувствовал другое звучание, , древнее, как будто под русским слоем был слой, под ним — ещё один, и так до бесконечности, до самого начала языка, когда первые люди первые слова произносили впервые. — Аэлир, — сказала Илева. Не вопрос. Не приветствие. Констатация. Как будто она называла вещь её именем — и вещь от этого становилась тем, чем она является. — Да, — сказал Аэлир. Голос его был хриплым — после крика, — но твёрдым. — Ты знаешь, где ты. — В Мгле. — Ты знаешь, кто я. — Илева. — Ты знаешь, как сюда попал. — Пожар. Электростанция. Потолок рухнул. Я... — он замолчал, потом — Мы должны были погибнуть. — Вы и погибли, — сказала Илева, и в голосе не было ни жестокости, ни жалости. — Тело, которое было твоим, раздавлено обломками. Тело, которое было её, — тоже. Вы не выжили. Вы — здесь. Аэлир молчал. Он смотрел на Илеву и чувствовал, как слова — «вы погибли», «тело, которое было твоим» — входят в него, и не ранят, и не греют, а просто ложатся, как ложится камень на дно, — тяжело, ровно, необратимо. Он умер. Элия умерла. Всё, что было, — школа, имя, насмешки, бетонные плиты, Стругацкие, чёлка за ухом, кружка с кольцом кофе, — всё это было там, в мире, который кончился для него в ту секунду, когда потолок упал. — Но я здесь, — сказал он. — Ты здесь, — подтвердила Илева. — Мгла не держит всех. Мгла держит тех, кого признала. Ты был признан. — Почему? — Потому что ты знал. Не верил — знал. Ты держал образ Мглы в памяти с детства, и образ был точен, и Мгла увидела себя в твоём знании — и открылась. Аэлир вспомнил «Дух ещё не ушёл, а тело уже не держит. И он должен знать. И Мгла должна признать.» Три условия. Все три — выполнены. Он был на грани, он знал, и Мгла признала. — А Элия? — он повернулся к лежащей. — Она — с тобой. Ты привёл её. — Она тоже... погибла? — Да. — Она тоже признана? Илева помолчала. Это было первое молчание, которое Аэлир воспринял как содержательное — не пауза, не заминка, а ответ, произнесённый тишиной. — Она признана через тебя, — сказала Илева. — Ты — дверь. Она прошла через твою дверь. Аэлир опустил взгляд на Элию. Её лицо — спокойное, с прилипшей чёлкой, с чуть приоткрытыми губами — было лицом спящего, не мёртвого. Но он уже знал разницу между спящим и мёртвым — только в том, проснёшься ли. — Она проснётся? — спросил он. — Да. Когда нужно будет. — Когда это будет? — Когда ты скажешь. Илева не села — в Мгле не было ни стульев, ни пола, ни необходимости. Она стояла, и Аэлир стоял, и между ними — расстояние, которое не было расстоянием, а было вниманием, направленным друг на друга с двух сторон, как два луча, которые пересекаются в одной точке. — Я не спасаю, — сказала Илева. — Ты прочитал предание. Там было сказано я не наказываю и не награждаю. Это правда. Я не вытащила тебя из-под обломков. Я не погасила огонь. Я не вернула тебе тело. Ты умер, Аэлир, и это — факт, с которым ничего не сделаешь. — Тогда зачем я здесь? — Потому что Мгла — не конец. Мгла — пауза. Точка, в которой мир ещё не решил, что с тобой делать. И в этой точке — у тебя есть выбор. — Какой? Илева чуть наклонила голову — единственное движение,

которое Аэлир заметил с момента её появления. Жест был маленький, почти незаметный, но он изменил всё её лицо — не выражение, а направленность, как будто она повернулась к нему не лицом, а всем существом. — Я предлагаю контракт, — сказала она.

Слово «контракт» в устах богини из старого предания звучало странно — слишком деловое, слишком современное, слишком человеческое. Но Аэлир быстро понял Илева говорила на его языке, на языке, который был ему понятен, и выбирала слова, которые были ему доступны. «Контракт» — не юридический термин, не деловое соглашение. Это было — обмен. Ты — мне, я — тебе. — Я дам тебе способности, — продолжала Илева. — Не те, что были у тебя прежде, — не память, не сообразительность, не умение читать. Другие. Те, которых у тебя не было и не могло быть. Я дам тебе оружие. Не одно — несколько. Я дам тебе спутников — тех, кто будет рядом, кто будет сражаться рядом, кто будет прикрывать твою спину. — А взамен? — Ты будешь выполнять мои приказы. Аэлир молчал. Не потому что раздумывал — потому что весил. Это было другое раздумывать — значит колебаться, весить — значит измерять. Он измерял. За — он мёртв. Он умер под обломками заброшенной электростанции, и его тело, если его нашли, лежит где-то на холодном бетоне, раздавленное, неопознаваемое. Его мать сейчас, может быть, уже получила звонок — или ещё нет, или ещё не знают, что он там был. Элия — тоже мертва, тоже лежит, и её мать, которая работает на двух работах, ещё не знает, что больше не нужно работать на две. Всё, что было, — кончилось. Мгла — не жизнь и не смерть, а пауза, и пауза не может длиться вечно. Рано или поздно Мгла решит сама — и решение может быть любым. А так — у него будет действие. Будет цель. Будет движение. Он не будет стоять в серой пустоте, ожидая приговора. Против — он не знает, какие приказы. Он не знает, куда пойдёт. Он не знает, зачем Илеве нужно, чтобы он что-то делал, — ведь она богиня, или сущность, или присутствие, и если она может дать ему способности и оружие, зачем ей он? Что он может сделать такого, чего не может она? Вопрос — правильный, и ответа на него нет, и отсутствие ответа — тревожный знак. Но Аэлир вспомнил «И не было ещё ни единого, кто бы, встретив Илеву во Мгле, вернулся в мир тот же, что и прежде.» Все, кто встречал её, — соглашались. Или — не соглашались, но возвращались другими. Третьего не дано. Мгла не отпускает прежним. Он посмотрел на Элию. Лежащая, тёплая, живая — и всё-таки мёртвая, как и он. Она прошла через его дверь. Она — здесь, потому что он. Он привёл её сюда, не зная, не желая, — просто тем, что был рядом, что держал за руку, что накрыл собой. Он был причиной её присутствия в Мгле. И если он откажется — что будет с ней? Мгла признала её через него — значит, без него она — чужая, непризнанная, и Мгла может не принять. — Элия пойдёт со мной? — спросил он. — Да. — Она тоже получит способности? — Это будет зависеть от неё. Но она будет с тобой, если ты согласишься. Если нет — вы оба останетесь здесь, в Мгле, и Мгла решит сама. — Когда? — Когда решит. Может — скоро. Может — не скоро. Может — никогда. Мгла не торопится. Ей некуда торопиться. Аэлир закрыл глаза. В темноте за веками — серая, плотная, та же Мгла, только без образов, без присутствия, чистое ощущение. Он стоял в нём и чувствовал вот — момент, после которого дороги назад не будет. Не потому что Мгла не выпустит — потому что он не вернётся. Он переступит черту, и Аэлир, который читал книги на полу в коридоре, который молчал на задних партах, который кричал «я был прав» в серую пустоту, — тот Аэлир останется здесь, в Мгле, как старая кожа, как куколка, из которой выйдет кто-то другой. Он открыл глаза. — Я согласен, — сказал он. Илева не кивнула, не улыбнулась, не изменила выражения. Она просто сказала — Знаю. — Теперь слушай, — сказала Илева, и голос её стал — не строже, не холоднее, а плотнее, как будто каждое слово набрало вес, и слова легли друг на друга, как камни на камни, и между ними не осталось зазоров. — Слушай внимательно, потому что я скажу это один раз, и второго не будет. Аэлир слушал. — Ты получишь от меня силы. Оружие. Спутников. Ты получишь это не как дар — как инструмент. Инструмент принадлежит тому, кто им работает, но хозяин — тот, кто заказал работу. Ты будешь работать. Я

— заказывать. Мои приказы — не просьбы, не советы, не пожелания. Мои приказы — закон, и закон этот — единственный, который будет действовать в мире, куда ты отправишься.

Нарушишь — и я не предупрежу, не выскажу разочарования, не дам второго шанса. Я убью тебя. Не тело — тела у тебя уже нет. Я уничтожу то, что ты есть. То, что думает, что чувствует, что помнит. То, что кричало «я был прав» в Мгле. Это — я могу. Мгла держит тебя — и Мгла может отпустить, а отпустить — значит дать миру решить, что с тобой делать, а мир, Аэлир, решает быстро и безжалостно. Тебя не станет. Не смерть — небытие. Пустота, в которой нет даже Мглы. Она помолчала. Молчание было — как удар гонга, после которого звук ещё стоит в воздухе, хотя гонг уже замолчал. — Я не буду убивать Элию, — продолжила она. — Она пришла через тебя, и её судьба — при тебе. Но если тебя не станет — она останется в Мгле одна, без признания, без двери. И Мгла решит за неё. А ты знаешь, как решает Мгла. Аэлир знал. Мгла не зла и не добра. Мгла — пауза. И пауза кончается. — Я понял, — сказал он. Голос был ровным. Он не лгал и не хорохорился — он действительно понял. Понял так, как понимают, когда цена — не деньги, не боль, не неудобство, а существование. Понять это — не страшно. Страшно — принять. Но он уже принял, ещё до слов, ещё когда сказал «я согласен». Слова были формой. Решение было раньше. — Хорошо, — сказала Илева. И в этом «хорошо» не было одобрения, не было теплоты. Была — констатация. Договор заключён. — Теперь — о мире, куда ты отправишься, — сказала Илева. — Это не Мгла и не тот мир, который ты знал. Это — другой мир. Живой, плотный, с землёй и небом, с городами и лесами, с людьми — или тем, что от них осталось. Но он — больной. Он болен давно, и болезнь его имеет имя культ мести. Она произнесла это не как название, а как диагноз, как врач произносит название болезни, которая убивает пациента ровно, без драматизма, с тяжестью в каждом слоге. — Культ мести — не религия в том смысле, который ты знаешь, — продолжала Илева. — Это — система. Сеть, которая опутала мир, которая проникла в каждый город, в каждый дом, в каждую семью. Суть её проста месть — основание всего. Оскорбил — отомсти. Ударил — отомсти. Убил — отомсти. И так — по кругу, по спирали, вниз, без конца, без дна. Месть рождает месть, та — новую, и каждая следующая — тяжелее предыдущей. Культ не просто позволяет — культ требует. Не отомстил — значит, предал. Не отомстил достаточно жестоко — значит, оскорбил память обиженного. Культ — не выбор. Культ — воздух, которым дышит этот мир. Аэлир слушал. Каждое слово входило — не в уши, в суть, в то место, где живут не мысли, а понимание. Он представлял мир, в котором каждый — жертва и палач одновременно, в котором каждый удар порождает ответный, и ответный — ещё один, и цепь не рвётся, потому что разорвать её — значит предать. Мир, в котором прощение — не добродетель, а преступление. — Культom правят семь архиепископов, — сказала Илева, и голос её изменился — не громкостью, а рисунком, как будто слова выстроились в иную конфигурацию, в ровный, тяжёлый ряд. — Семь. Не шесть, не восемь — семь. Это число — не случайность и не символ. Это — структура. Семь опор, на которых держится всё. Убери одну — и всё рухнет. Но убрать — нельзя, потому что каждая защищена. — Кто они? — спросил Аэлир. — Дети, — сказала Илева. И это слово — «дети» — в её устах прозвучало так, что Аэлир почувствовал холод, хотя в Мгле не было холода. — Все семеро были завербованы в детстве. Не похищены, не принуждены — завербованы, то есть выращены. Культ берёт детей — рано, в пять, в шесть, в семь лет — и растит их не как людей, а как функции. Ребёнок, который попал в культ, перестаёт быть ребёнком. Он становится — сосуд, который культ будет заполнять, пока не заполнит целиком. И когда сосуд заполнен — он становится архиепископом. Не человеком — функцией, облечённой в человеческую форму. Аэлир молчал. Он думал о детях — о пяти-, шести-, семилетних, которых забирают, растят, заполняют, — и о том, что он сам в семь лет сидел на полу в коридоре и читал старую книгу, и никто его не забирал, и за это — за то, что ему повезло не быть забранным, — он чувствовал вину, которая не имела разумных оснований, но была. — Каждый из семи, — продолжала Илева, — олицетворяет один из семи смертных грехов. Не в

том смысле, в каком о них писал Данте или проповедники. Смертный грех, в терминологии культа, — не проступок, не слабость. Это — сущность, фундамент, на котором архиепископ выстроен. Грех — не то, что архиепископ делает. Грех — то, что он есть. Она помолчала — и снова молчание было содержательным, как пауза перед выстрелом. — Я расскажу тебе о двух, — сказала она. — О двух, которые тебе предстоит узнать раньше остальных. Не потому что они важнее — потому что ты встретишь их первыми, и если не будешь готов — не встретишь никого больше. Аэлир ждал. — Первый — Архиепископ Чревоугодия. Голос Илевы стал — не мягче, но подробнее, как будто она переходила от общего к частному, от теории к анатомии. — Чревоугодие — в обыденном смысле — обжорство, неумеренность в еде. Ты знаешь это. Но в культе — иначе. Чревоугодие архиепископа — не пища. Это — поглощение. Поглощение как принцип, как суть, как способ существования. Этот архиепископ не ест — он пожирает. Но пожирает не плоть, не хлеб, не вино. Он пожирает имя. Аэлир не сразу понял. «Имя» — в том смысле, в каком он знал это слово? Имя как Аэлир, как Элия, как Саша Неволин? — Имя человека, — продолжала Илева, подтверждая, — это не набор звуков. Имя — это якорь. То, за что мир держит человека, за что человек держится за мир. Имя — первое, что дают при рождении, и последнее, что остаётся после смерти, — на камне, на бумаге, в памяти. Пока есть имя — человек существует для мира. Мир помнит его, видит его, знает его. Но если имя поглощено... Она не закончила — сделала паузу, и Аэлир сам достроил фразу в голове, и от этого стало страшнее, чем если бы она сказала. — Если имя поглощено, — сказала Илева всё-таки, — мир забывает. Не кто-то конкретный — весь мир. Родная мать не вспомнит лица. Друг не вспомнит, что был другом. Учитель не вспомнит, что учил. Дом, в котором человек жил, не вспомнит, что он жил. Имя — стёрто, и вместе с ним — всё, что связывало человека с миром. Он становится — никто. Не мёртвый — именно никто, пустое место, которое никто не замечает, потому что нечего замечать. Аэлир подумал о себе — о своём имени, которое всю жизнь было проблемой, поводом для насмешек, меткой, от которой он хотел избавиться сотни раз. И теперь — мысль о том, что имя можно отнять, — не облегчить, а уничтожить, — показалась ему чудовищной. Имя, которое он ненавидел, было его якорем, и без якоря — дрейф, пустота, ничто. — Но имя — не всё, — продолжала Илева. — Архиепископ Чревоугодия пожирает и воспоминания. Не чужие — свои собственные? Нет — воспоминания поглощённого. Когда архиепископ берёт имя человека, он берёт и всё, что человек помнил его детство, его первую любовь, его боль, его радость, его лица матери и отца, его запахи, его звуки, его жизнь — всю, до последней мелочи. Всё это — съедается, переваривается, усваивается. А от человека остаётся — тело. Тёплое, дышащее, живое — в биологическом смысле. Но — бездушное. Без памяти, без имени, без содержания. Оболочка, которая ходит, ест, спит — и ничего не знает, ничего не помнит, ничего не хочет. Тело, которое было человеком, а стало — вместилищем, пустым и тёмным, как дом, из которого вынесли всю мебель и выбросили окна. Мгла вокруг — Аэлир мог поклясться — стала плотнее. Или это ему показалось. В Мгле трудно было отличать ощущение от факта. — Архиепископ Чревоугодия, — закончила Илева, — опасен не силой, не скоростью, не жестокостью. Он опасен тихостью. Ты — никто. Тело — без души. Воспоминания — съедены. Имя — проглочено. И мир не помнит, что ты был. Тишина. Аэлир стоял в ней и чувствовал, как внутри — там, где когда-то были страх и решимость — теперь что-то новое не страх, не решимость — осторожность. Тихая, внимательная осторожность человека, который узнал, что в темноте есть нечто, чего он не видел, но что видит его. — Второй, — сказала Илева. — Архиепископ Лени. Аэлир ждал. После Чревоугодия — после имени, пожранного и стёртого — он ждал чего-то не менее страшного. Но то, что услышал, было — другим. Не менее страшным — по-другому страшным. — Лень, — сказала Илева, — в обыденном смысле — бездействие, нежелание двигаться, делать, трудиться. Но архиепископ Лени — не бездействен. Он — невозможен. Аэлир нахмурился. — Его нельзя убить, — сказала Илева, и в голосе её не было драматизма — была точность. — Не трудно — нельзя. Не «почти нельзя», не «нужно

особое оружие», не «есть один способ, но он опасен». Нельзя. Причина — в сути его греха. Лень — это отсутствие движения, отсутствие действия, отсутствие изменения. Убить — значит изменить, превратить живое в мёртвое, действующее в недействующее. Но архиепископ Лени неизменен. Он не движется — не потому что не хочет, а потому что не может быть подвижим. Удар не доходит — не потому что он уклоняется, а потому что удар не может его коснуться, как не может коснуться тени. Оружие не ранит — не потому что оно тупое, а потому что рана — это изменение, а изменение — то, чего архиепископ Лени не подвержен. Он — неподвижность, доведённая до абсолюта, и против абсолютной неподвижности бессильно всё, что движется. — Тогда как с ним бороться? — спросил Аэлир. — С ним — не борются, — сказала Илева. — Его — обходят. Или — терпят. Но это — не твой путь. Не сейчас. Сейчас — знай, что он существует, что он — среди семи, и что убить его невозможно. Это не значит, что с ним ничего нельзя сделать. Это значит, что то, что можно, — не «убить». Я научу тебя — позже. Сейчас — запомни Лень не убиваема. Это — факт, и из него нужно исходить, а не пытаться его отменить. Аэлир кивнул. В голове тихий, холодный порядок Чревоугодие — пожирает имя и воспоминания, оставляет тело без души. Лень — неубиваема, неподвижна, неизменна. Два из семи. Пять — неизвестны. Но и этих двух — достаточно, чтобы понять мир, куда он идёт, — не место для слабых. Не место для тех, кто колеблется, сомневается, ждёт. — Но это ещё не всё про Лень, — сказала Илева, и Аэлир почувствовал, как что-то внутри сжалось — не от страха, от предчувствия. — Архиепископ Лени — не просто неуязвим. Он полезен. Культ использует его — как щит, как фундамент, как основание, на котором держатся остальные. Способность архиепископа Лени — распространение. Он распространяет — не себя, не свою волю, не свою лень. Он распространяет боль и жизнь. Аэлир не понял. Боль и жизнь — вместе? Это казалось противоположным. — Боль, — объяснила Илева, — и жизнь — две стороны одного процесса. Живое чувствует боль. Мёртвое — нет. Чем живее — тем больнее. Архиепископ Лени способен брать жизнь из одного и передавать другому — и наоборот. Он может забрать боль у раненого и вложить её в здорового. Может забрать жизнь из умирающего и дать её другому, продлив его существование. Может — и это главное — распределить боль и жизнь между своими союзниками так, что ни один из них не может быть убит, пока жив хотя бы один. — Бессмертие? спросил Аэлир. — Фактически, — сказала Илева. — Не буквально — они стареют, устают, истощаются. Но убить их одним ударом — нельзя. Рана, которая должна убить, — не убивает, потому что архиепископ Лени перераспределяет её берёт смертельную боль и размазывает по всем, и каждый получает долю, недостаточную для смерти. Десять ударов, каждый смертельный, — и ни один не убивает, потому что боль от каждого — размазана, распределена, разделена на всех. Как вода, которую разлили по многим чашкам в каждой — немного, и ни одна не переполняется. — А жизнь? — спросил Аэлир. — Жизнь — то же, но в обратную сторону. Архиепископ Лени может собрать жизненную силу из всех своих союзников и влить её в одного — и тот станет сильнее, быстрее, выносливее, чем может быть человек. Временно — пока сила не вернётся к владельцам. Но в бою — этого «временно» достаточно, чтобы решить исход. — Значит, пока архиепископ Лени жив, — медленно сказал Аэлир, — остальные шестеро — практически бессмертны. — Практически — да, — сказала Илева. — Но «практически» — не «абсолютно». Есть предел. Есть — условия. Есть — тонкости, о которых ты узнаешь, когда придёт время. Сейчас — запомни основное Лень — фундамент культа. Пока она — есть, остальные — неуязвимы. И Лень неубиваема. Илева замолчала. И в этот раз молчание было — настоящим. Как будто она сказала всё, что должна была сказать, и теперь — ждала. Аэлир стоял в Мгле, рядом с Элией, которая лежала без сознания, перед богиней, которая предложила ему контракт, и миром, которым правили семеро архиепископов, о которых он знал пока двоих, — и двое были достаточно страшны, чтобы понять остальные пятеро — не легче. Но он не отступал. Не потому что был храбр — он не был храбр, он был мальчик, которого звали странным именем и который читал старые книги на полу в коридоре. Он не

отступал, потому что некуда. Мгла — не убежище. Мгла — пауза. А пауза рано или поздно кончается.

Элия лежала рядом. Тёплая. Живая. Без сознания. Аэлир стоял и ждал.

Глава 3

Глава третья. Переулок Мгла разомкнулась. Аэлир не успел моргнуть. Под ногами камень. Неровный, тёплый, с трещинами, в которых росла сухая трава. Стены справа и слева, близко, в трёх шагах друг от друга, из тёмного кирпича, потемневшего от времени. Воздух другой. Не мглы, не стерильной тишины, а живой пахло пылью, дымом, чем-то кислым, чем-то сладким, и далеко едой. Звуки – глухие, далёкие скрип колёс, голоса, неразборчивые, стук. Город. Аэлир стоял в узком переулке, в городе, которого не знал, и Мглы не было – только небо над головой, серое, плотное, низкое, как потолок. Элия лежала у стены. Там же, где он – или нет, но рядом. Чёлка на лице, глаза закрыты, дышит. Куртка – его куртка – всё ещё на плечах. Аэлир присел, приложил пальцы к её шее. Пульс. Ровный. Он встал. Огляделся. Переулок – прямой, короткий, выводящий в одну сторону на улицу (виден край фасада, жёлтого, с вывеской на непонятном языке), в другую – в тупик, заваленный ящиками и мусором. Два окна на уровне второго этажа, оба с ставнями, оба закрыты. Дверь – одна, деревянная, с облупившейся краской, заперта. Безопасно – пока. Но не надолго. Он оттащил Элию в тупик, за ящики, в угол, где стена и мусор образовывали что-то вроде ниши. Положил её, подложил под голову скомканную тряпку – нашёл тут же, среди хлама. Проверил – не видно с прохода. Не идеально, но достаточно. Потом – кулон. Он появился вместе с ним, в Мгле, – Аэлир не помнил, когда именно. Просто – был, на шее, на тонкой цепочке, холодный, тёмный, в форме глаза, вытянутого, с щелью зрачка. Илева не объясняла – он понял сам это – инструмент призывной. Кулон, через который спутники, обещанные ею, придут. Он снял его с шеи. Сжал в ладони. Гладкий, тёплый – не от руки, от себя. Аэлир закрыл глаза и подумал придите. Он направил его в кулон, как направляешь луч фонаря в темноту, – и кулон ответил короткий толчок в ладонь, как сердечный удар, потом второй, и между ними – тонкий, едва слышный звук, не звон, не гул, а что-то между, как нота, взятая на пределе слышимости. Он открыл глаза. В переулке, между ним и ящиками, стояли двое. Первая – девчушка. Маленькая – Аэлиру по плечо, а Аэлир был не велик. Худая, жилистая, с руками, которые не висели вдоль тела, а были чуть согнуты в локтях, как у существа, готового к движению в любую секунду. Кожа – тёмная, не от загара, а от природы матовая, ровная, с лёгким сероватым оттенком, как пепел на белой бумаге. Волосы – короткие, почти выбритые, только на затылке – косичка, тонкая, чёрная, до лопаток. Глаза – узкие, жёлтые, без белка сплошная, ровная желтизна, как у кошки, и в них – то же кошачье выражение не злость, не страх, а внимание, абсолютное, исчерпывающее, направленное на него, на стену, на ящики, на всё одновременно. Она не двигалась. Стояла – и Аэлир понял это и было её движением. Она стояла так, как другие бегут. Поза – идеальная, баланс – идеальный, центр тяжести – там, где должен быть. Асасин. Раса, о которой он никогда не слышал, но название Ассасины Народ теней. Рождённые для тихого движения и быстрой смерти. Одежда – тёмная, облегающая, без единого шва, без единого украшения. Ткань – не ткань, что-то живое, матовое, впитывающее свет, так что девчушка казалась не одетой, а вырезанной из тени. На поясе – два коротких клинка, прямых, без гарды, с чёрными рукоятями, и Аэлир видел их, хотя они были спрятаны – видел, потому что кулон давал знать. Второй – парень. Высокий – на голову выше Аэлира, широкоплечий, с тяжёлыми руками и тяжёлой челюстью. Лицо – не человеческое и не звериное, а между вытянутое, с плоским носом, с жёсткой тёмной щетиной, которая росла не только на щеках, но и выше, к вискам, к надбровным дугам. Глаза – большие, карие, с вертикальным зрачком, как у волка, – и Аэлир понял не «как у волка». Он был волком. Раса волков. Одежда – из шкур. Не сшитых, а собранных крупные, грубые куски, наложенные друг на друга, закреплённые ремнями из сыромятной кожи. Шкуры – Аэлир пригляделся – были не обычные. Тёмные, толстые, с грубой шерстью, с глубокими следами когтей, которые не были следами охоты – это были следы сражения. Звери, с которых сняты эти шкуры, – были

не звери. Точнее – не обычные звери. Что-то крупное, что-то грозное. На плечах парня – череп, маленький, разрезанный пополам, пришитый к кожаному нагруднику, с рогами, загнутыми назад. Волчий парень носил трофеи. Он стоял, ноги на ширине плеч, руки вдоль тела, и смотрел на Аэлира – не как девчушка, не с вниманием, а с ожиданием. Ждал приказа. Ждал, как собака ждёт с силой, ещё не направленной, но уже готовой. Они оба молчали. – Аэлир, – сказал он, и голос прозвучал хрипло – горло ещё не оправилось после Мглы. – Меня зовут Аэлир. Я ваш... – он замялся, не зная слова. Кулон не дал. – Ваш хозяин? Нет. Ваш... направляющий. Я – тот, кто дал призыв. Вы – мои спутники. Они не ответили. Ждали. Он не знал, зачем. Может – потому что в книге, в предании, у всего было имя. Может – потому что сам он слишком хорошо знал, каково это – носить имя, которое тебе не подходит. Или – просто потому что безымянные – не люди, а функции, а он хотел, чтобы они были больше, чем функции. Девчушку он назвал Нэйра. Нэйра. Короткое, резкое имя, которое звучало как движение, как шаг, как лезвие, выходящее из ножен. Она – асасин. Ей – имя-клинок. Нэйра не отреагировала. Но Аэлир увидел жёлтые глаза на мгновение стали шире. Чуть. Секундная доля. Признание. Парня он назвал Рагн. Имя – тяжёлое, глухое, как звук, который издаёт камень, падающий на камень. Рагн. Волк в шкурах, с рогатым черепом на груди, с вертикальными зрачками и руками, которые могли сломать шею одним движением. Ему – имя-камень. Рагн кивнул. Один раз. Коротко. Волки кивают так – не в знак согласия, а в знак принятия. Я принял имя. Я принял тебя. Я – Рагн. – Нэйра. Рагн, – сказал Аэлир. – Первое, что нужно, – деньги. Серебро, золото, что здесь в ходу – не знаю. Но мне нужно знать, на что мы живём, где спим, что едим. Раздобудьте. Как – решайте сами. Но не убивать. Не красть у тех, кто беднее нас. Действуйте. Нэйра растворилась. Не ушла, не побежала – растворилась, как тень, на которую упал более глубокий свет. Мгла между ящиками колыхнулась, и её не было. Рагн постоял ещё секунду, посмотрел на Аэлира – и ушёл, тяжело, прямо, в сторону улицы, не оглядываясь. Его шаги – глухие, ровные, как удары – затихли за углом. Аэлир остался один. С Элией, которая лежала без сознания, в углу, за ящиками, и с кулоном, который снова стал холодным и тихим на его шее. Он сидел на камне, рядом с Элией, и считал. Не деньги – мгновения. Сколько прошло с тех пор, как Мгла выплонула их в этот переулок? Минуты? Часы? Солнце – или что здесь вместо солнца – было за облаками, и определить время было невозможно. Он сидел, слушал город – скрип, голоса, далёкий звон, – и ждал. Нэйра и Рагн ушли. Элия не просыпалась. Он – ждал. Стол. Тихий, короткий, сдавленный. Аэлир повернулся. Элия – двигалась. Рука – к голове, глаза – ещё закрыты, губы – шевелятся, беззвучно. Потом – открыла глаза. Серые. В тени ящиков – почти чёрные. Аэлир смотрел на них и молчал, потому что не знал, с чего начать. – Аэлир? – сказала Элия. Голос – слабый, хриплый. – Да. – Где... – она попыталась сесть, и он подал ей руку. Она приняла, села, огляделась. Ящики, кирпич, тупик. – Где мы? – Далеко, – сказал он. – Не там, где были. Элия посмотрела на него. В глазах – не паника, не непонимание. Внимание. То самое, которое он видел в первый день, когда она села рядом с ним за парту. – Расскажи, – сказала она. Он рассказал. Всё. Мгла. Илева. Контракт. Способности, которые были обещаны. Мир, куда их отправили. Культ мести. Семь архиепископов. Чревоугодие, которое пожирает имена. Лень, которую нельзя убить. Спутников, которых он призвал, – Нэйру и Рагна, которые ушли за деньгами. Она заслуживала правды. Она прошла через его дверь, и это сделал её своей – не собственностью, а своей, близкой, от которой не скрывают. Элия слушала. Не перебивая. Лицо – ровное, без тех мимических вспышек, которые бывают у людей, когда они слышат что-то страшное. Она слушала, как слушала его в коридоре, когда он рассказывал о Мгле, – впитывая, широко, и Аэлир вдруг подумал, она опять не сказала «верю» и не сказала «не верю». Она оставила дверь приоткрытой. Когда он закончил, Элия молчала. Потом – Покажи кулон. Он показал. Она взяла, покрутила, посмотрела на щель зрачка. Вернула. – Хорошо, – сказала она. – Что теперь? – Ждём. Нэйра и Рагн вернутся. Потом – по приказу Илевы. Она не сказала, какой будет первый. Сказала – когда придёт время, я узнаю. – Мы ведь идём на главную площадь, –

сказала Элия. – Да, – сказал он. – Как ты знала?– Ты всегда шёл к центру, – сказала она. – Когда не знал, куда идти. В школе – к выходу. В магазине – к середине. Ты – центровой. Пошли давай. Она встала. Ноги держали. Чёлка упала на глаза – убрала, машинально, одним движением. Куртку – его куртку – не сняла. Главная площадь была – большой. Аэлир этого не ожидал. После узкого переулочка, после тёмных кирпичных стен, после ящиков и мусора – простор ударил, как ветер. Площадь – каменная, с трещинами, с утоптанной землёй между плитами, – была окружена зданиями высокими, в три-четыре этажа, из тёмного камня, с балконами, с вывесками, с флагами, которых Аэлир не узнал. В центре – фонтан, сухой, без воды, с чашей, в которой рос мох. Вокруг фонтана – люди немного, десятка два, разбредшихся по краям, как птицы по кромке воды. Лавки, телеги, палатки – рынок, вялый, утренний, с продавцами, которые ещё не проснулись, и покупателями, которые ещё не решили. Аэлир и Элия сели. На край фонтана, на тёплый камень чаши. Сидели рядом, плечо к плечу, и ждали. Нэйра и Рагн были где-то в городе – Аэлир не чувствовал их, но знал, что живы, потому что кулон – тёплый, тихо пульсирующий – работал. Элия сидела, смотрела по сторонам. Не боялась – Аэлир видел. Тот же взгляд, что и на электростанции широкий, впитывающий, без паники. Она смотрела на людей, на вывески, на флаги, на мох в фонтане, и Аэлир знал она складывает. Картину. Из деталей. Из звуков, запахов, лиц. Она делает то, что делала всегда – понимает. – Люди злые, – сказала она тихо. – Как все, – сказал Аэлир. – Нет. Не как все. Злые. Он видел. Лица – не злые, не добрые, а уставшие, с той усталостью, которая бывает у людей, которые носят тяжесть так давно, что забыли, что несут. Глаза – тусклые, без блеска, без любопытства. Руки – сжатые, готовые. Плечи – сведённые. Тело каждого говорило меньше меня касайтесь. И рядом – другой, третий – с тем же телом, той же речью. И третий – четвёртый. И так – все. Культ мести. Воздух, которым дышат. Аэлир сидел на фонтане, рядом с Элией, и ждал спутников. В Мгле – той же Мгле, серой, плотной, беззвучной – стояла Илева. Она не сидела. Не двигалась. Стояла глаза – мёртвый янтарь – были направлены туда, за Мглу, в мир, в переулок, на площадь, на фонтан, на двоих, которые сидели рядом и ждали. Она видела. Не глазами – Мгла видела, и она видела через Мглу. Видела Аэлира – маленького, сидящего на камне, с кулоном на шее, с решимостью, которая была ещё хрупкой, ещё не закалённой, ещё способной сломаться. Видела Элию – рядом, тёплую, живую, с чёлкой на глазах и со взглядом, который впитывал мир и не пугался. Видела Нэйру и Рагна – далеко, в городе, в тени, в движении, двух, которые были инструментами и ещё не знали, какими. Илева смотрела и говорила. Тихо, в Мглу, себе, – или не себе, а Мгле, или не Мгле, а тому, что было до Мглы и будет после. – Наконец, – сказала она. Слово – простое, короткое, но в устах Илевы оно весило, как камень, на котором стоит всё. Наконец. Наконец – кто-то пришёл. Наконец – кто-то согласился. Наконец – кто-то, держит в руках кулон и в руках – контракт, – наконец стоит в мире, который болен, и готов, или почти готов, или будет готов, когда придётся. – Наконец, – повторила Илева. – Предстоит избавить мир от заразы. Заразы. которая проникла в ткань мира и разъедает её изнутри, и которая – если не вырезать, если не выжечь, если не вырвать с корнем – доберётся до всего, до каждого, до последнего. Илева смотрела – через Мглу, в мир, на двоих на фонтане – и молчала. Молчание было не пустым. Оно было – началом. Тишиной перед тем, как зашевелиятся фигуры на доске. В мире Аэлир сидел рядом с Элией. Кулон пульсировал на шее. Нэйра и Рагн были где-то в городе. Площадь дышала, тяжело и устало. И где-то – далеко, за серой пеленой, за Мглой, за тишиной – Илева стояла и смотрела, и ждала, и говорила в пустоту, которая не была пустой. – Наконец.

Глава 4

Глава четвёртая. Первый клинок Аэлир посидел на краю фонтана ещё немного — ровно столько, чтобы Элия перестала шуриться от света и сказала: «Я в порядке». Он не верил до конца, но кивнул. Площадь дышала тяжело, будто каждый вдох давался ей с трудом. Люди шли мимо — не глядя, не здороваясь, не замечая друг друга, будто боялись, что взгляд станет поводом. — Я пройдуся, — сказал он. — Просто посмотрю. Чтобы понять, где мы. Элия не стала спорить. Только крепче сжала край каменной чаши и кивнула. Он пошёл. Не по главной улице — туда, где флаги и вывески, а вбок, в проходы между домами, где тень лежала плотнее и воздух был прохладнее. Он шёл, прислушиваясь не к словам, а к тишине между ними — к тому, как город не шепчет, а молчит. И это молчание было тяжёлым, будто стены держали в себе слишком много невысказанного. Улочки становились уже, дома — ближе друг к другу. Кирпич сменялся грубым камнем, камень — плитами, потемневшими от времени. Вывесок почти не осталось. На стенах — царапины, будто кто-то пытался что-то выпарать и не закончил. Пахло сыростью и железом. Аэлир сам не понял, как оказался в тупике. Три высокие стены, одна — с узкой щелью, ведущей дальше, но туда не хотелось идти: тень там была слишком густой, слишком неподвижной. Он уже развернулся, чтобы уйти, когда заметил её. Она стояла посреди тупика, будто специально заняла центр, чтобы никто не мог пройти мимо. Чёрные волосы — длинные, тяжёлые, почти до земли, — лежали, как шёлк, но не струились, а лежали ровно, будто их уложили намертво. Большие голубые глаза — не просто голубые, а такие, в которых свет не отражался, а тонул. На спине — несколько клинков, не в ножнах, а закреплённых ремнями крест-накрест, так, что рукоять каждого была под рукой. И лицо — высокомерное, с той особой надменностью, которая не требует слов, потому что считает, что слова — для тех, кто ниже. — Убирайся с дороги, — сказал Аэлир, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он себя чувствовал. Девчонка даже не вздрогнула. Только чуть наклонила голову, как птица, которая разглядывает жука. И тихо, почти шёпотом, так, что он едва расслышал: — А ты знаешь, кто я такая? От этого шёпота у Аэлира по спине пробежал холод — не от страха, а от понимания: это не обычный вопрос. Это проверка. — Сейчас и узнаешь, — пробормотала она себе под нос, так тихо, что, казалось, говорила не ему, а кому-то внутри себя. — Полномочия архиепископа... Сердце Аэлира пропустило удар. «Полномочия архиепископа». Не «я из свиты», не «я служу». «Полномочия». Как печать. Как приговор. Он застыл. В голове — только одна мысль, повторяющаяся, как стук в висках: «Не уже ли... не уже ли я нарвался на архиепископа в первый же день?» Но подумать не успел. — Пора тебя наказать! — вдруг выкрикнула она, и голос её изменился: из тихого, почти ласкового стал резким, звенящим, будто металл ударили о камень. — Дрожи же передо мной! Я — Архиепископ Культа греха, олицетворение Чревоугодия! Она шагнула вперёд, и в тот же миг один из клинков оказался у неё в руке — не выхвачен, а просто появился, как появляется тень, когда гаснет свет. Лезвие было тёмным, почти чёрным, и на нём, казалось, не отражался свет — он его поглощал. Аэлир стоял, не двигаясь. В голове билось: «Я не хочу умирать. Я не хочу умирать». Это не было криком — это было тихим, отчаянным повторением, как заклинание, которое должно было удержать его на месте, не дать рассыпаться от страха. Кулон на шее вдруг заискрился. Не ярко, не ослепительно — тонкими, едва заметными вспышками, как молнии внутри стекла. Он стал тёплым, потом горячим, и Аэлир почувствовал, как тепло ползёт по коже, как будто кулон пытался его разбудить, заставить действовать. Архиепископ Чревоугодия подняла клинок. Замахнулась. В этот момент воздух разорвал резкий лязг металла — такой, какой бывает, когда сталь ударяется о сталь на пределе силы. Нэйра. Она появилась из тени, будто сама тень стала её формой. В руке — один из её коротких клинков, и он встретил удар архиепископа так, что искры полетели не от лезвия, а от самого воздуха. Нэйра стояла, чуть согнувшись, с поднятым клинком, и её жёлтые глаза

были полностью сосредоточены на противнице. Ни страха, ни удивления — только расчёт. — Рагн! — крикнула она, не оборачиваясь. Рагн появился через секунду — не из переулка, не из-за угла, а будто пространство просто вытолкнуло его вперёд. Он был в той же одежде из шкур, с тем же черепом на груди, и его взгляд был направлен не на Аэлира, не на Элию, а на угрозу. — Держи! — рявкнул он, и в его голосе не было командного тона — была необходимость, как у волка, который видит стаю в опасности. Он сделал движение — быстрое, резкое, почти неуловимое, и пространство вокруг них дрогнуло, как вода, в которую бросили камень. Вспышка. Не свет — ощущение. Как будто мир на мгновение перестал быть твёрдым и стал жидким, текучим, и они просто перетекли из одного места в другое. Они оказались на площади. Там же, где сидели раньше, — на краю фонтана. Элия всё ещё сидела, но теперь её глаза были широко раскрыты, а рука сжата в кулак. Вокруг — люди. Те же, что и раньше, но теперь они смотрели. Не с любопытством, а с настороженностью — как смотрят на то, что может вспыхнуть и сжечь всё вокруг. Но смотреть было некогда. Аэлир почувствовал боль — острую, горячую, в плече. Он опустил взгляд — на куртке темнело пятно, расплзающееся, как чернила по бумаге. Нэйра держалась за бок — пальцы были в крови, но она не опускала клинок. Рагн стоял, тяжело дыша, и на его руке была глубокая царапина, будто кто-то провёл по ней лезвием, не стараясь убить, а проверяя. Архиепископ Чревоугодия не последовала за ними. Пространство не выпустило её вместе с ними — или Рагн не позволил. Она осталась там, в тупике, и Аэлир знал: она не забыла. И не простила. Кулон на его шее перестал искриться, но остался тёплым. Как будто говорил: «Ты ещё жив. Пока». Элия встала, подошла к Аэлиру, осторожно коснулась его плеча — не сильно, просто чтобы понять, насколько плохо. — Ты ранен, — сказала она. — Мы все ранены, — прохрипел Рагн. — Но живы. Нэйра опустила клинок, но не убрала. — Она — архиепископ, — прошептала она. — Чревоугодие. И она хотела не просто убить. Она хотела... стереть. Аэлир вспомнил её слова: «Пора тебя наказать». Не «убить». «Наказать». Как будто смерть была бы слишком лёгкой. Он посмотрел на площадь, на людей, на фонтан, на город, который казался обычным, но был полон угроз, скрытых в тени. Они выжили. Но это была не победа. Это было предупреждение. Где-то в Мгле Илева смотрела сквозь пелену на них — на троих спутников и двоих, что стояли рядом, — и знала: игра началась.

Глава 5

Глава пятая. Ночь Нэйра стояла у фонтана, молча протянула Аэлиру кошель тёмный, кожаный, туго набитый. Рагн положил рядом второй, тяжелее. Аэлир открыл монеты не золотые, серебряные, с чеканным профилем, которого он не знал. Но вес реальный, и звук правильный, тот, который знают все, кто голодал. Где взяли? спросил Аэлир. Там, где излишек, сказала Нэйра. Коротко, без пояснений. Аэлир не стал уточнять. Он сказал «не красть у беднее» и, судя по всему, они поняли. Элия стояла рядом, молча наблюдая. Плечо Аэлира всё ныло, но кровь остановилась Рагн, ещё на площади, прижал рану ладонью и сказал «Ничего серьёзного. Потом зашью». Ищем гостиницу, сказал Аэлир. Гостиницу нашли через три улицы от площади. Двухэтажная, из тёмного камня, с вывеской круг с тремя точками внутри, без слов. Хозяин толстый, с красным лицом и маленькими глазами посмотрел на них без интереса, назвал цену, взял серебро, дал ключ. Второй этаж, три комнаты в ряд. Аэлир взял две одну для себя и Элии, другую для Нэйры и Рагна. Комната маленькая, жёсткая кровать, стол, стул, таз с водой, окно с видом на улицу. Чисто. Не хорошо, но чисто. Рагн закрыл дверь, снял нагрудник с черепом, и Аэлир впервые увидел его руки без ремней и шкур большие, с короткими пальцами, покрытые шрамами, старыми и новыми, белыми и розовыми. Из мешка на поясе он достал иглу не металлическую, костяную, нитки тонкие, тёмные, и банку с мазью, густой, пахнувшей хвоей и чем-то горьким. Снимай, сказал Рагн, кивнув на куртку Аэлира. Аэлир снял. Рана на плече неглубокая, но длинная, от ключицы до дельты, с рваными краями, будто клинок архиепископа не резал, а тянул. Рагн посмотрел, поморщился не от брезгливости, от оценки. Терпи, сказал он и начал. Игла вошла Аэлир стиснул зубы. Рагн шил как шьёт тот, кто делал это сотни раз на себе, на других, в поле, в лесу, везде, где не было лекаря, а рана была. Четыре стежка, пять, шесть. Мазь холодная, жгучая, потом тупеющая, обезболивающая. Повязка из полоски ткани, оторванной от подола старой рубахи. Потом Нэйра. Она молча села на пол, подняла край облегающей тёмной ткани. Рана на боку глубже, чем у Аэлира, но чище один удар, Рагн зашил восемью стежками. Нэйра не издала ни звука. Жёлтые глаза смотрели в стену, неподвижно, как у кошки, которая ждёт, когда пройдёт боль. Себя Рагн зашил последним левую руку, предплечье, где царапина была не царапиной, а разрезом, длинным, до кости. Он стиснул зубы, и клыки короткие, тяжёлые, не человеческие блеснули. Восемь стежков. Мазь. Повязка. Одним движением натянул рукав из шкур. Готово, сказал он. Элия сидела на кровати, ноги поджав, и смотрела на Нэйру, которая стояла у стены не сидела, а именно стояла, как будто сидеть для неё было роскошью, которую она не позволяла. Как тебя зовут? спросила Элия. Ну, кроме Нэйры. Откуда ты? Какой у тебя народ? Нэйра повернула голову. Жёлтые глаза без выражения, без теплоты, но и без вражды. Просто пустые, как у существа, для которого вопросы не имеют значения. Нэйра, сказала она. И всё. Элия посмотрела на Рагна. Тот сидел на полу, скрестив ноги, и точил один из клинков не свой, а короткий, найденный в мешке, плоским камнем. А ты? спросила Элия. Рагн. Это имя дал Аэлир. А как тебя звали раньше? Где ты жил? Кто ты? Рагн не перестал точить. Клинок скрипел о камень ровно, мерно. Рагн, сказал он. И посмотрел на Аэлира. Не на Элию на Аэлира. Потому что Аэлир хозяин, и вопросы к нему, а Рагн отвечает хозяину, а не тому, кто рядом. Элия поняла. Она опустила глаза, убрала чёлку за ухо и больше не спрашивала. Аэлир молчал. Ему было неловко не за них, а за то, что между ним и Элией появилась трещина, тонкая, почти невидимая, но ощутимая. Он хозяин. Они его. Элия нет. Элия рядом, но не его, и эта разница, которую он не выбирал, уже стояла между ними. Рагн встал, убрал клинок. Вечерний обход, сказал он. Посмотрим, что за город. Где выходы, где тупики, где тихо, где нет. Заодно ещё серебра. Нэйра кивнула. Она уже была у двери, как будто ждала этого слова. Рагн повернулся к Аэлиру. Посмотрел тяжело, прямо, волчьими глазами с вертикальным зрачком. Если что зови через кулон. Он кивнул на шею Аэлира. Придём. Быстро. И

ушёл. Нэйра за ним, растворившись в тени дверного проёма, как капля чернил в тёмной воде. В комнате стало тихо. За окном серое небо темнело, медленно, без заката, будто свет не гас, а тускнел, как догорающая лампа. Аэлир посмотрел на Элию. Она сидела на кровати, подтянув колени к груди, обхватив их руками. Не усталая собранная, сжатая, как пружина, которую держат и не отпускают. Ложись, сказал он. Не устала. Ложись, повторил он. Не жёстко, но так, чтобы она поняла это не просьба. Элия посмотрела на него. Долго. Потом легла. Подвернула куртку под голову, отвернулась к стене. Чёлка упала на глаз, но она не убрала. Аэлир, сказала она, не поворачиваясь. Да. Они тебя не знают. Нэйра и Рагн. Они твои, но не знают тебя. А ты их тоже. Будь осторожен. Он кивнул. Потом понял, что она не видит она к стене. Буду, сказал он. Через пять минут её дыхание стало ровным. Спала. Аэлир встал, тихо, стараясь не скрипеть полом. Проверил куртка на Элии, одеяло до подбородка, лицо спокойное. Не улыбается, не хмурится просто спит, как спят после тяжёлого дня, без снов. Он вышел. За городом поле. Сухая трава, низкие кусты, камни. Дорога грунтовая, утоптанная, ведущая куда-то на восток, в темноту. Аэлир прошёл метров двести от последних домов, остановился, огляделся. Никого. Город позади, тёмный, с редкими жёлтыми точками окон. Поле впереди, чёрное, беззвучное. Небо низкое, без звёзд, без луны, плотное, как потолок из серого сукна. Он стоял один. Впервые с момента, как Мгла выплюнула его в этот мир, по-настоящему один. Аэлир поднял правую руку. Сжал кулак. Разжал. Сжал снова. Он чувствовал что-то. Не в мышцах, не в костях глубже, в том месте, где не бывает анатомии. Тепло, плотное, сосредоточенное, как сжатая пружина. Оно было там с момента прибытия, но он не обращал внимания скользящий, не смертельный. скользящий, не смертельный. боль, страх, беготня, Рагн, Нэйра, Элия, всё это заслоняло. Теперь в тишине, в темноте, наедине с собой он почувствовал его, как чувствуют зуб, который ноет не сильно, но постоянно. Илева. Это было её. Часть контракта, часть дара, часть того, что она вложила в него, когда сказала «я дам тебе способности». Он ещё не пробовал. Не знал, как. Но тепло было, и оно ждало. Аэлир поднял камень. Маленький, с кулак, серый, обычный. Сжал в ладони. И камень лопнул. Не рассыпался, не раскрошился лопнул, как орех, с коротким сухим треском, и половинки разлетелись в стороны, а ладонь была цела, без царапины, без боли. Аэлир замер. Посмотрел на ладонь. Пустую. Потом на землю, где лежали половинки камня. Он был сильнее. Много сильнее. В том мире он не смог бы расколоть камень голой рукой не потому что слаб, а потому что человеческая кисть не работает как молот, кости не выдержат, кожа лопнет. Здесь лопнул камень, а не рука. Илева постаралась, прошептал он. Он нашёл дерево сухое, невысокое, с тонким стволом, в руку толщиной. Ударил кулаком, без замаха, просто ударил, как бьют в дверь. Ствол хрустнул и повалился, ломаясь у основания, как спичка. Аэлир стоял над поваленным деревом и смотрел на свой кулак. Ни боли, ни покраснения. Тело другое. Не его, не то, которое было раздавлено обломками на электростанции. Новое. Данное. И оно было сильнее, быстрее, крепче, чем он заслуживал, чем ожидал. Магия. Аэлир сел на землю, скрестив ноги. Закрыв глаза. Тепло внутри то, которое он принял за силу, было не только силой. Оно имело текстуру, как будто внутри него было два слоя один плотный, тяжёлый, мышечный, тот, что ломал камни; другой тонкий, подвижный, как ртуть, и этот слой не шёл в руки, не шёл в ноги он шёл наружу, через кожу, через воздух, в мир. Аэлир сосредоточился на втором слое. Попытался направить не знал куда, не знал как, просто направил, как направляешь мысль, когда хочешь, чтобы она стала словом. Вспышка. Не в глазах в ладонях. Между ними на расстоянии ладони загорелся свет. Не огонь, не электричество свет, ровный, холодный, голубоватый, как свечение глубокой воды. Он стоял между ладоней, не исчезая, не мигая, и Аэлир чувствовал его как чувствуют тепло от костра, только это было не тепло, а присутствие, плотное, осязаемое, будто между ладонями возник невидимый шар. Он пошевелил пальцами. Свет послушался сместился, потёк, изменил форму. Аэлир сдвинул ладони ближе шар сжался, стал ярче. Раздвинул расширился, стал тусклее. Он им управлял. Аэлир открыл глаза. Свет не исчез он был, между ладоней, голубой, ровный, живой. Он убрал руки. Свет погас

мгновенно, как задутая свеча. Поднял снова сосредоточился, направил, как в первый раз. Свет появился. Быстрее, легче, будто канал был уже проложен и энергия шла по нему без сопротивления. Он попробовал другое не свет, а толчок. Направил энергию не между ладоней, а из них вперёд, в сухой куст, стоявший в трёх метрах. Куст снесло. Не загорелся, не зашатался снесло, будто по нему ударили кувалдой невидимой, и комья земли, корни, стебли всё полетело в сторону, метров на пять, и осело, вздымаясь пылью. Аэлир стоял, тяжело дыша. Не от усталости от восторга. Чистого, детского, того, который бывает, когда впервые в жизни делаешь то, чего не мог, и мир меняется. Он тренировался час. Может, больше без часов, без меры, пока тело не начало тяжелеть и магия тускнеть, угасать, как батарея, которую разрядили. Мечом он тренировался до этого нет. Меча у него не было. Но Рагн, уходя, оставил у двери короткий клинок не свой, запасной, с простым лезвием и обмотанной рукоятью. Аэлир взял его, взвесил. Лёгкий. Короткий от локтя до кончиков пальцев. Одной рукой удобно. Он рубил воздух. Сначала медленно, привыкая к весу, к балансу, к тому, как клинок проходит по дуге. Потом быстрее. Удар справа, удар слева, колющий вниз, в воображаемого противника. Разворот и удар сверху, с замахом, тяжёлый, рубящий. Клинок свистел тонко, резко, рассекая ночь. Аэлир не умел фехтовать. В том мире не доводилось. Но тело новое двигалось иначе, чем он ожидал. Рука не дрожала, кисть не слабела, плечо то, которое Рагн зашил не болело, а работало, как новое. Он бил, и бил, и бил, и каждый удар был быстрее, точнее, тяжелее предыдущего, будто клинок учился вместе с ним. Он попробовал совместить удар клинком и магию. Рубнул справа и в момент удара толкнул энергию вдоль лезвия, как направляешь воду по жёлобу. Клинок вспыхнул голубым, холодным, и там, где он прошёл, воздух застонал не звук, а ощущение, как будто ткань мира порвали и она жалобно натянулась по краям. Аэлир остановился. Опустил клинок. Дышал тяжело, рвано, но не от боли от полноты. Он стоял в тёмном поле, один, с мечом в руке и магией в ладонях, и чувствовал он может. Не «сможет когда-нибудь» может. Сейчас. Здесь. Уже. Он ещё постоял. Посмотрел на город тёмный, тихий, с редкими огнями. Потом на небо, серое, беззвёздное, тяжёлое. Потом на клинок. На ладони. На кулон, который тихо, ровно пульсировал на шее. Дорога назад быстрая. Тело двигалось легко, ноги несли, а не тащили, и Аэлир заметил бежал он быстрее, чем в том мире. Не в два раза но заметно, будто убрали груз, который он всю жизнь носил и не замечал. Гостиница тихая, тёмная, хозяин спал за стойкой. Аэлир поднялся на второй этаж, тихо открыл дверь. Элия спала. Там же, где он её уложил, на боку, к стене, с курткой под головой. Дыхание ровное, тихое. Чёлка на глазах. Он не стал убирать. Аэлир положил клинок Рагнов у кровати. Снял ботинки. Лёг на краю, лицом к двери, не к Элии. Кулон тёплый, тихий лежал на груди. Он закрыл глаза. Темнота не Мгла. Обычная, мягкая, человеческая темнота, в которой есть усталость и есть сон. Аэлир уснул быстро, как падает камень в воду, без сновидений, без мыслей, без ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.